

Понятие Вещи в психоанализе Ж. Лакана и Ю. Кристевой

Научный руководитель – Гиренок Фёдор Иванович

Наумов Никита Геннадьевич

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра философской антропологии, Москва, Россия

E-mail: nnaumovtm@gmail.com

Концептуализация «Вещи» в истории философии начинается с Канта. Этому понятию уделяется особое внимание в текстах Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра, неокантианцев. Под влиянием Гуссерля и Хайдеггера «Вещь» проникает во многие направления континентальной философии. Одно из таких направлений - психоанализ. Именно он нас будет интересовать в данном исследовании. Предметной областью выступят тексты Лакана и Кристевой.

В контексте философской антропологии роль Вещи в психоанализе знаменательна тем, что это понятие является центральным местом, конститутивным для становления субъекта как его абсолютно Иное. Дуальные отношения Real-Ich с вне-положенным, абсолютной пустотой, определяют первичную субъективность человека. Это процесс располагается на уровне предельной, последней структуры Реальной психической организации человека. То есть именно здесь формируются ее первые зачатки. Важно отметить, что Das Ding, пустота, Иное, исключена всегда уже внутри Real-Ich. Реальное человека следует различать с реальностью, в которой он ориентируется как субъект всегда желающий желание Другого, хотя раскол и противоречие заложены уже в самом истоке человеческого. На первичной стадии развития психической организации человек еще зависит только от Вещи. Собственно Вещь и отождествляется Лаканом с «человеческим», им дается одно и то же определение - «то, что в Реальном терпит от означающего ущерб» [Лакан Ж., 2006. С.163].

Это определение напоминает нам о том, что все регистры и термины анализа сконструированы, они *нереальны*, созданы ретроактивной мыслью, задним числом и могут рассматриваться как в своей взаимосвязи, так и в своей автономии. Но нет никакого пробела между полем Вещи и организацией в сети означающих. Вещь представляется субъекту другой вещью, когда он встречается с обретенным объектом. Только тогда мы узнаем, что объект был потерян, а Вещь в свою очередь терпит ущерб, оставаясь при этом от нас сокрытой. В области Вещи анализ сталкивается со своим пределом, теория подпирается с другой стороны, обращаясь к области онтологии: «Это и есть цель нашего исследования в этом году - способ, которым ставится перед нами вопрос относительно Вещи. Именно к этому вопросу подходит Фрейд в своей психологии влечения, так как Trieb к психологическому понятию никак не сводится - это абсолютно фундаментальное онтологическое понятие: понятие, отвечающее кризису сознания, который ничто не обязывает нас исследовать обстоятельно, поскольку мы сами переживаем его» [Лакан Ж., 2006. С.166].

Лакан в своей излюбленной манере закольцовывает модель человека, при этом от человека остается только «человеческое» - засечка на кольце. Но именно в лакановской топологии, одном из самых ярких новшеств, которые он привнес в психоанализ, обнаруживается самое слабое место. Собственно психического топоса ему и не хватает для создания модели субъекта, и он вынуждено прибегает к онтологии и даже метафизике. «Обратите внимание вот на что - весь ход фрейдовской мысли подводит нас к вопросу о том, что, являясь для принципа удовольствия внутренним двигателем, лежит по ту его

сторону и является, очень возможно, тем самым, что я назвал недавно предрасположенной к добру или злу волей» [Лакан Ж., 2006. С.163].

Лакан постулирует изначальную полноту Реального, которое всегда уже расколото, противоположно. «Другими словам, *das Ding*, это не поддающееся забвению доисторическое Другое, на обязательном первенстве которого Фрейд так настаивает, следует, на самом деле, представлять себе как лежащее вовне, в форме чего-то такого, что, будучи мне чуждым, *entfremdet*, находится, тем не менее, в самой сердцевине моего Я - в форме того единственного, что, на уровне бессознательного, представляет представление» [Лакан Ж., 2006. С.95]. Исходя из этого, он интерпретирует наскальную живопись, искусство вообще, этику поступков субъекта. Однако этот субъект вовсе не является человеком. Человека для психоанализа Лакана нет в принципе. Есть только то человеческое, что имеет свое место в Реальном, полнота которого обеспечивает его тождественность с Вещью. Вещь-человеческое является тем местом в Реальном, которое понесло ущерб от означающего и которое только тогда выделяется как особое место в Реальном.

Таким образом, Лакан отвечает на знаменитую дилемму из Чжуан-Цзы: «Однажды я, Чжуан Чжоу, увидел себя во сне бабочкой - счастливой бабочкой, которая порхала среди цветков в свое удовольствие и вовсе не знала, что она - Чжуан Чжоу. Внезапно я проснулся и увидел, что я - Чжуан Чжоу. И я не знал, то ли я Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он - бабочка, то ли бабочка, которой приснилось, что она - Чжуан Чжоу. А ведь между Чжуан Чжоу и бабочкой, несомненно, есть различие. Вот что такое превращение вещей!» [Чжуан-Цзы, 1995. С.73].

Означающее - вот кто тревожит сон и превращает вещи.

Для Кристевой понятие Вещи важно, потому что оно позволяет рассмотреть клинические случаи депрессии и меланхолии, в которых человек через сублимацию пытается приблизиться к человеческому, овладению Вещью, утраченным телом матери [2]. Для описания противоречивого отношения к трупцу матери в культуре она использует собственный термин абъект (*abject*), который значительно более радикален, чем объект или «объект малое а» [1].

Источники и литература

- 1) Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. – СПб.: Алетейя, 2003. – 256 с.
- 2) Кристева Ю. Черное солнце: Депрессия и меланхолия / Пер. с фр. – М.: «Когито-Центр», 2010. – 276 с.
- 3) Лакан Ж. Этика психоанализа (Семинары: Книга VII (1959-60)). Пер. с фр./ Перевод А. Черноглазова. М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос». 2006. – 416 с.
- 4) Чжуан-цзы. Ле-цзы/Пер. с кит., вступ. ст. и при-Ч 57 меч. В. В. Малявина.— М.: Мысль, 1995.— 439,[1] с.